

УДК 81'373

КРЫМ НА КОГНИТИВНОЙ КАРТЕ М. А. ВОЛОШИНА

М. Г. Джисоева

В данной статье в рамках лингвокультурологического описания применяется метод когнитивного картографирования для исследования поэзии М. Волошина.

Ключевые слова: когнитивная карта, концепт.

*Карта никогда не является нейтральной.
Дж. Б. Харли*

В данной статье в рамках лингвокультурологического описания для исследования поэзии М. А. Волошина применяется метод когнитивного картографирования, в чем и состоит ее **новизна**.

Цель работы: реконструкция когнитивной карты Крыма, отраженной в лирике М. А. Волошина, в первую очередь путем анализа употребления топонимов. Однако целью данной статьи не является исследование топонимики как таковой, т. к. такой подход уже был реализован с достаточной полнотой и подробностью во многих исследованиях.

Материалом исследования послужили поэтические произведения М. А. Волошина разных периодов, в которых прямо или косвенно присутствует крымская топонимика и указание на крымские реалии.

Теоретической основой данной статьи является следующее положение: наше сознание выбирает из широкого спектра сигналов, поступающих из окружающего мира, лишь те немногие, которые оно уже ожидает и “те, которые особенно пригодятся для того, чтобы выжить в сложном мире. Из этого немногого конструируется затем связанная картина мира”. Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Субъективный фактор в ментальной картографии ведёт к тому, что “ментальные карты и ментальная картография могут варьироваться в зависимости от того, под каким углом человек смотрит на мир” [1].

“В пространстве мы читаем время”. Эта фраза философа Карла Шлёгеля как нельзя более точно характеризует особенности отражения концепта пространства в творчестве М. А. Волошина. На наш взгляд, для моделирования этой части картины мира автора целесообразно воспользоваться методом когнитивного картографирования, который предусматривает не только описание метрических и топологических свойств пространства, но и особенностей индивидуального или коллективного восприятия географических реалий. Особенно важным представляется тот факт, что когнитивные карты “как структуры ментального опыта, используются не только для отображения пространственной конфигурации среды, но и для кодирования другой значимой информации” [2].

Термин когнитивная, или ментальная, карта был заимствован лингвокультурологией у когнитивной психологии. В настоящее время существует множество определений этого термина.

Так, доктор К. Вашик под когнитивной, или ментальной, картой понимает коллективную или индивидуальную репрезентацию пространства, в основе которой — ориентация или целесообразность*. По его мнению, конституирующими признаками когнитивной карты являются следующие: а) реальная или воображаемая территория; б) специфический интерес к этому пространству (аффективный, идеологический, религиозный и т. д.); в) цель (для носителя); г) космос объектов, предметов, которые размещаются там; д) специфическая оценка; е) границы (точные, диффузные, смещенные, искаженные). Такие карты становятся частью культурной практики благодаря использованию в дискурсах разного типа.

Принципиальной характеристикой ментальных карт является их искажаемость. Анализ искажений приводит к заключению, “что когнитивные карты отражают не только параметры пространства, но и характеристики деятельности, в рамках которой они формируются, а также отношение человека к этому пространству” [2].

Как видно из сказанного, когнитивная карта может быть как индивидуальной, так и коллективной. В этой связи несомненный интерес представляет реконструкция когнитивной карты автора художественного произведения.

Известно, что география путешествий Волошина весьма обширна и разнообразна — от “Гималайских ступеней” до “древних пристаней Европы”. Однако поскольку рамки статьи не позволяют говорить о когнитивной карте поэта в целом, сосредоточим наше внимание на ее центральном — крымском — фрагменте.

Анализ стихотворений поэтических сборников разных лет и произведений, в сборники не вошедших, показывает следующее.

Как и следовало предполагать, подробнее всего описана восточная часть когнитивной карты волошинского Крыма. Крым оказывается как бы ограниченным с трех сторон. “Белым пятном” остается западная и северо-западная часть. Дальше Севастополя граница теряется и возобновляется только у Сиваша.

Другая особенность — “диахроничность” карты, которая, поистине, представляет собой карту исторической топонимии.

Сам топоним Крым встречается в основном в стихотворениях раннего и позднего периодов творчества. Появляются они, однако, в совершенно разных контекстах. Крым в основном в ранней лирике противопоставляется большим душным северным городам. Возникают стереотипизированные образы потоков ярких лучей, солнца, южной природы. Привлекает внимание использование для характеристики Крыма прилагательного *родимый*, такого нехарактерного для Волошина клише, явно заимствованного у поэтов-романтиков. Позже, в зрелой лирике, Волошин скажет, что он *усыновлен* этой землей. В ранних же стихотворениях находим и “берега цветущие Крыма”, и даже “полуденной Тавриды” с полным набором традиционно романтических стереотипов. И хотя реальный Крым входит в жизнь Волошина довольно

* Лекция по теме “Пространство и значение – Контуры геокультурологии. Новая парадигма познания или модное течение в гуманитарных науках?” была прочитана доктором К. Вашиком 20 августа 2006 г. в ТНУ им. В. И. Вернадского.

рано, однако в ранней лирике источники косвенных информационных потоков, в роли которых фактически выступила вся предшествующая русская литература, все же преобладают над источниками прямых информационных потоков, вероятно, в силу того, что, по воспоминаниям самого Волошина, реальные впечатления от восточного Крыма оказались гораздо бледнее, чем он ожидал. “Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность” — напишет Волошин в “Автобиографии” [3]. Таким образом, причиной первоначального разочарования юного Волошина в поездке на юг было именно несоответствие увиденного им в восточном Крыму и коллективной ментальной карты Крыма, характерной для российского социума, которая со времени присоединения Крыма к России являлась воплощением русской мечты о юге и романтического бегства на юг.

Более часто, особенно в лирике, относящейся уже к XX веку, топониму Крым Волошин предпочитает топоним Киммерия. Согласно комментариям самого автора и многочисленных исследователей, это номинация восточной части Крыма в отличие от южнобережной пушкинской Тавриды. Топоним Киммерия иногда выступает синонимом Крыма и даже территорий, находящихся за его пределами: “Припонтийское Дикое Поле, Темная Киммерийская степь” (1920). Наблюдаем, таким образом, расширение волошинской когнитивной карты: Киммерия — Дикое Поле — Русь.

Сердцем древней Киммерии для Волошина является Коктебель. В 1910-е годы в связи с известными событиями в жизни Волошина “возникает... антитеза Петербурга и Коктебеля, топология ухода. И если в апреле 1907 года в шуточном послании к Вяч. Иванову уход еще кажется изгнанничеством..., то в посвящении 1910-го года С. Маковскому он становится осознанным и окончательным выбором: “В городе шумном построил ты храм Аполлону Ликею, / Я ж в Киммерии алтарь Горомедону воздвиг” [4].

Карадаг — неперенный атрибут Коктебеля. “С Руси тянуло выстуженным ветром. / Над Карадагом сбились груды туч”, — писал поэт в 1924 г, когда тучи, в действительности, сгустились над ним самим. В контекстах других стихотворений налицо мифологизация и “медиевализация” Карадага, который сравнивается с рухнувшим готическим собором и зубчатой стеной.

Весьма частотным является топоним Ардава. В стихотворении 1910 г, которое поэт посвятил своей учительнице литературы в Феодосийской гимназии, Волошин пишет о “тысячелетнем сердце семь раз воскресавшей Ардавы”. Интересно авторское переосмысление древнего названия Феодосии: аланское Ардава (“Семибожий”) он понимает как “семь раз воскресавший”. В том же стихотворении 1910 г., посвященном К. Богаевскому, Волошин пишет: Киммерии печальная страна / Тебя в стенах Ардавы возрастила. Здесь на когнитивной карте Феодосии допущено не просто искажение, а некое наложение исторических планов и культурных слоев, так как в догенуэзский период Феодосия не была обнесена стенами. И, естественно, возвращенный в генуэзских стенах древней Ардавы художник является наследником всей ее двадцатипятилетней истории.

Название Феодосия вначале появляется в лирике поэта в форме прилагательного *феодосийский*: И где бы ни скитались мы, / Но сердцу безысходно близки Феодосийские холмы (1915). Эти строки, бесспорно, восходят к пушкинскому “Отечество нам Царское село”, подчеркивая, таким образом, роль этого места в формировании поэта.

Любопытной особенностью волошинской когнитивной карты Феодосии является отсутствие топонима Кафа, несмотря на то, что Кафа — Кефе просуществовала хронологически дольше и оставила более свежий и потому более осязаемый исторический след, чем Ардава.

В прозе Волошин неоднократно подчеркивал островное (на его ментальной карте) положение Крыма, говоря, что от России Крым отделяют бескрайние степи и непроходимые болота Сивашей, зато Черное море связывает его со средиземноморьем живыми связями, и в этом смысле море является более надежным и твердым [5].

В ранней лирике в описаниях Черного моря встречаем те же романтические клише, что и в описаниях Крыма: “И без меры в длину, / без конца в ширину / Расстилается Черное море” (1992). Однако уже в 1910-х годах появляются и почти нейтрально-фактографические описания: Как с черноморскою волной Азова илистые воды / Упорно месит ветер крутой (1912). А в более эмоционально насыщенных описаниях Черное море неизменно предстает как Понт (Но... я утратил тебя, моя юность / На перепутьях и росстанях Понта (1927) или Эвксинский Понт (Все так же пуст Эвксинский Понт / И так же рдян закат суровый, / И виден тот же горизонт, / Текучий, гулкий и лиловый (1910). Очевидная эллинизация и — шире — “медитеранизация” Черного моря объясняется, с одной стороны, общей для русской литературы восходящей к романтизму традицией рассматривать Крым как “свою Грецию”, “свою Италию”, а с другой стороны, уже упоминавшимся выше волошинским ощущением близости Крыма к Средиземноморью и удаленности от России. Неоднократно Черное море именуется и Океаном: Там дышит тяжело усталый Океан / И веет запахом гниющих трав и йода (1907).

Выше было уже сказано о почти полном отсутствии на когнитивной карте волошинского Крыма юго-западной и центральной частей. Среди немногих топонимов, которыми они представлены, — топоним Гурзуф, и упоминается он только в связи с именем Пушкина для объяснения специфики близкой Волошину Киммерии: Эти пределы, священные уж тем, что однажды под вечер / Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф (1926). Имя великого поэта как бы соединяет волошинский Коктебель со “своим” Гурзуфом, “вписывая” тем самым Киммерию в крымский дискурс русской литературы.

И наконец, в “Доме Поэта” Волошин приходит к выводу об особом геополитическом положении Крыма (“Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан”), помещая его, таким образом, в евразийский “пояс нестабильности”. Здесь и идея некоей провиденциальной миссии Крыма, и указание на “великий пафос лирики”, завещанный Крыму нашедшими здесь свой конец народами и цивилизациями.

На когнитивной карте Волошина — не только реальная топонимия, и здесь искажения волошинской карты наиболее значительны. Так, вход в Аид находится в од-

ном из гротов Карадага: Вглядиись в провалы и пустоты, / Похожие на вход в Аид... (1918). По-видимому, в литературе Серебряного века Волошин является самым ярким продолжателем эллинизации Крыма. Источник для реконструкции ментальной карты здесь греческая мифология и античные авторы, а реконструктор — сам поэт. Интереснейшим примером такой авторской реконструкции является стихотворение “Каллиера”.

Итак, из сказанного могут быть сделаны следующие **выводы**:

1. Крым занимает центральное место на когнитивной карте М. А. Волошина.
2. При этом Крым не является в восприятии Волошина полуостровом и теряет свои реальные географические очертания, превращаясь в остров, отделенный от материка Сивашом и Причерноморскими степями и соединенный посредством Черного моря со средиземноморским геокультурным пространством.
3. Когнитивная карта Крыма Волошина очерчена не со всех сторон. Подробнее всего выписана ее восточная — киммерийская — часть.
4. Когнитивная карта волошинского Крыма представляет собой многослойное образование, в котором уживаются и переплетаются локусы реальные, принадлежащие разным историческим эпохам, и мифологические или мифологизированные самим автором.

Сделанные выводы дают возможность увидеть, в какой степени Волошиным воспринят “крымский текст” русской литературы и в какой мере он создан самим автором.

Список литературы

1. Фритъоф Бенъямин Шенк. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Эл. ресурс: www.saratov.iriss.ru/empires/docs/mental
2. И. В. Блишников. Когнитивные карты в деятельности человека. // Эл. ресурс: www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/34
3. М. Волошин. Автобиография // Эл. ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/mv/?r=auto&id=2>
4. С. Бунина. Миф о Петербурге и миф о Коктебеле в творческой судьбе М. Волошина. // Эл. ресурс: www.ctuxu.ru/article/art/mif_o_peterburge.htm
5. М. Волошин. Культура, искусство, памятники Крыма. // Коктебельские берега. — Симферополь: Таврия, 1990. — С. 212 – 219.

Джигоева М. Г. Крим на когнітивній карті М. Волошина.

В статті в рамках культурологічного опису застосовується метод когнітивної картографії для дослідження поезії М. Волошина.

Ключові слова: когнітивна карта, концепт.

Djigoeva M. G. Crimea on M. Voloshin's Cognitive Map.

In the article it is using the cognitive mapping method for researching of M. Voloshin's poetry.

Key words: cognitive map, concept.

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2006 г.